

УДК-32

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОСТМОДЕРНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.С.Тормошева¹

Постмодернистская мысль имеет серьёзное влияние на изучение коммуникации в целом и политической коммуникации в частности. Однако применительно к исследованию международно-политической коммуникации постмодернистские подходы используются не в полной мере. Автором утверждается, что рассматриваемый феномен находится под влиянием постмодернистского пространства и постмодернистского времени. Международно-политическая составляющая постмодерна описана как реальность и как проблема. В политологическом постмодерне отмечен плюрализм методологических и теоретических изысканий и существование модернистских явлений.

Ключевые слова: международно-политическая коммуникация; политический актор; политологический постмодерн; сеть.

Основы теории постмодернизма, как практики «пересмотра кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, связанных с прогрессом как идеалом и схемой истории, разумом, организующим вокруг себя весь познаваемый мир, либеральными ценностями как эталоном социально-политического обустройства, экономической задачей неуклонного прироста материальных благ» [17], сформулированы во второй половине XX в. американскими, британскими, немецкими и французскими философами и социологами. К их числу принадлежат Р. Барт, Ж. Батай, З. Бауман, Д. Белл, Ж. Бодрийяр, В. Вельш, Ф. Гваттари, Э. Гидденс, Г. Дебор, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, Р. Инглхарт, Ж. Лакан, Ж.-Ф. Лиотар, Р. Рорти, Э. Тоффлер, М. Фуко [5; 6; 8; 10; 20; 21; 31].

Первое философское обоснование постмодерна как эпохи дал французский мыслитель Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна», написанной в 1979 г. Это первый труд, который трактовал постмодерн как состояние знания в современных наиболее развитых обществах, отражающее радикальное изменение всех сфер человеческого существования. По сей день эта работа наиболее цитируема в контексте постмодерна.

¹ Тормошева Вера Сергеевна – экстерн кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета. E-mail: tormosh@mail.ru.

© Тормошева В.С., 2016

Исследователь рассматривает «трансформации, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX в.» применительно к кризису рассказов. Согласно Лиотару, модерн – «эпоха метарассказа» такого, как например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т.п. Постмодерн, в свою очередь, – «эпоха после метарассказа», когда «отождествление» с великими именами, героями современной истории становится всё более трудным» [16, 43]. В современном обществе и культуре – постиндустриальном обществе и постмодернистской культуре – <...> великий рассказ утратил своё правдоподобие. В упадке рассказов Лиотар видит результат быстрого технического и технологического подъёма после Второй мировой войны, перенённого акцент с цели действия на средства её достижения, и результат активизации внешнеэкономических связей либерального капитализма, <...> устранившего коммунистическую альтернативу и придавшего ценность индивидуальному обладанию благами и услугами [16, 47].

Примечательно, что исследователь затрагивает коммуникационную сторону постмодерна. В постиндустриальном обществе, по его мнению, коммуникационная составляющая становится с каждым днем всё явственнее, одновременно как реальность и как проблема. Исследователь считает неверным сводить коммуникацию к традиционной альтернативе, представляющей собой манипуляционную речь или одностороннюю передачу информации, с одной стороны, и свободное выражение и диалог – с другой [16, 46–47]. Далее мы проверим справедливость данного утверждения применительно к международно-политической коммуникации постмодерна.

Назовём ещё ряд проблем, выявленных Лиотаром.

Во-первых, современное национальное государство, традиционно понимаемое как «мозг» и «дух» общества, утрачивает монополию в отношении производства и распространения знаний. Это происходит по мере усиления так называемого обратного принципа, согласно которому «общество существует и развивается только тогда, когда сообщения, циркулирующие в нём, насыщены информацией и легко декодируются» [16, 20–21]. В новых условиях государство начинает выступать препятствием на пути коммуникационной прозрачности, становится фактором непроницаемости и шума.

Во-вторых, с особой остротой проявляются проблемы коммуникации между государственными и экономическими структурами. Под последними здесь следует понимать мультинациональные предприятия, использующие новые формы оборота капитала, что, в свою очередь, приводит к утрате государственного контроля при решении вопросов финансового характера. Развитие информационных технологий, по Лиотару, только усугубит проблемы доступа к базам данных и легитимности информационных каналов. Трудно спрогнозировать и роль, которую будет играть государство: либо правообладателя, либо лишь одного из пользователей.

Исходя из вышесказанного, Лиотар утверждает, что государственные власти окажутся перед необходимостью «пересмотреть свои правовые и фактические отношения с крупными предприятиями и, в более общем виде, с гражданским обществом» [16, 21–22]. Однако дальнейшего развития данный тезис не получил. В этой связи интерес для нашего исследования представляет коммуникативный аспект концепции немецкого философа Ю. Хабермаса, представленный в работе «Философский дискурс о модерне», которая считается своеобразным ответом Ж.-Ф. Лиотару.

Постмодерн, согласно Хабермасу [26, 68], характеризуется вынужденной мобильностью внешних условий жизни, эмансипаторской силой социальных движений, за которыми стоит очевидное высвобождение производительных сил, быстрое улучшение орудий производства, бесконечно облегчённая коммуникация. Это эпоха, в которую происходит «развенчание священного», а именно: общество самоорганизуется таким образом, что упраздняется раскол человека на общественного и частного, возникает «обнадёживающая перспектива реализовать идею нравственной тотальности». Исследователь пишет, что человек воспринимает себя как абстрактного гражданина государства, познаёт и организует свои собственные силы как силы общественные и потому больше не отделяет от себя общественную силу в виде политической силы [26, 69].

В этой связи Хабермас отмечает необходимость смены модернистской парадигмы познания предметов парадигмой взаимопонимания между субъектами, способными рассуждать и действовать. Исследователь полагает, что в основание новой парадигмы, представляющей собой переход от субъект-центрированного к коммуникативному разуму, заложена «перформативная позиция интерактивных участников, координирующих планы своих действий путём достижения взаимопонимания по поводу происходящего» [26, 307].

Коммуникативный разум, присутствующий в контексте коммуникативного действия и структурах жизненного мира, выражает себя в децентрированном миропонимании. Это, по Хабермасу, проявляется в следующем [26, 353]:

- решения, лежащие в основе коммуникативной повседневной практики и связанные с выражением согласия или отрицания, не обусловлены предписанным сверху согласием с нормативами, а порождены совместными трактовками самих участников процесса;
- конкретные жизненные формы и общие структуры жизненного мира отличаются друг от друга, причём содержание партикулярных жизненных миров всё сильнее отличается от общих структур жизненного мира;
- между множеством тотальностей жизненных форм существует определённое сходство; однако они не перехлёстываются, не сплетаются друг с другом и не поглощаются супертотальностью.

Что касается политической коммуникации эпохи постмодерна, Хабермас отмечает, что формируемое в современных обществах диффузное общее сознание концентрируется в предельно насыщенных и достигших наивысшей стадии развития коммуникативных публичных процессах [26, 368]. Коммуникативные технологии позволили высказываться в любом контексте и обеспечили создание предельно дифференцированной сети политических публичных связей. «Сеть» в понимании Хабермаса – ключевой термин глобализации, в равной степени применимый к межконтинентальному распространению телекоммуникации, массового туризма и массовой культуры, к преодолевающим государственные границы рискам, имеющим отношение к технике крупных предприятий, к торговле оружием, к проявляющимся в мировом масштабе побочным воздействиям со стороны перегруженных экосистем, к международному сотрудничеству правительственных или неправительственных организаций [23, 279–280].

Расширение и сгущение сетей способствует публичной институционализации процессов волеобразования и формирования общественного мнения, нацеленных на диффузию и сочетание друг с другом. Они происходят в открытом пространстве; все общественные группы готовы к взаимным контактам [26, 369].

Хабермас отдельно останавливается на так называемых автономных общественных группах [26, 373]. Эти группы не созданы политической системой для придания ей легитимности и потому не находятся на её содержании. Они возникают естественным путём в микросферах повседневной практики. Центры сконцентрированных коммуникаций могут превратиться в автономные общественные группы и укрепиться в качестве самонесущей, высоко развитой опорной конструкции межсубъектных отношений лишь по мере использования потенциала жизненного мира для самоорганизации и применения в этих целях коммуникативных средств. Различные формы организации усиливают способность к коллективным действиям.

Нельзя обойти вниманием проблему на пути эффективной международно-политической коммуникации, которую Хабермас формулирует как «дискриминация Другого – исключение аутсайдеров и маргинализация меньшинств». Глобализация, массовый туризм, миграция, растущий плюрализм мировоззрений и форм культурной жизни позволяют каждому почувствовать, каково быть иностранцем за границей, чужаком среди чужих, Другим для других. Хабермас видит решение проблемы в использовании «дружественных форм сосуществования, которые не препятствуют приросту дифференциации в современных обществах и не отрицают зависимости» индивидов друг от друга. Устранение дискриминации и включение маргинализированных элементов в сеть взаимного внимания возможно с опорой на мораль равного уважения для каждого [24, 20].

С сожалением отметим господство ортодоксальных взглядов на отмеченную проблему в межкультурных исследованиях. Так, литература по межкультурной коммуникации в своей основе опирается на оппозицию «хозяин–раб», имеющую многовековую историю. При этом исследователь выступает в роли «хозяина», а исследуемый – иностранец, мигрант, изгнанник, беженец – в роли «раба» [34, 131]. Вместе с тем, появляются труды, в которых межкультурная коммуникация рассматривается как интеракция равноправных участников. Назовём, к примеру, коммуникативные принципы И.Э. Клюканова [32], а также принципы построения глобального сообщества, разработанные на их основе Ф. Патель, М. Ли и П. Сукнананом [34, 135–138]. М.К. Асанте, Й. Миике и Дж. Йин http://www.routledge.com/books/search/author/molefi_kete_asante/ [27, 2; 5–6] ориентируют на изучение сущности феноменов «сила/власть» и «привилегия» и их влияния на коммуникативное равноправие.

Идеи Хабермаса находят поддержку у Р. Чуанг, которая выступает с критикой «академического империализма» в межкультурных исследованиях, построенного на противопоставлении культур и ведущего к необъективности и отчуждению Другого. Межкультурная интеракция рассматривается не как «сложный незавершённый процесс, управляемый через распад или диалог о личных, двусторонних или прочих проблемах» [30, 45], а как эпизод, зафиксированный респондентом в опроснике. В эпоху глобализации, характеризующейся размытостью границ между глобальным-локальным, центральным-отдалённым, основным-вспомогательным, Мной-Другим, чрезвычайно актуальным становится постижение сущности Другого и осознание его силы. По мнению Р. Чуанг, это возможно через использование таких подходов, как *интерпретативный* (например, герменевтическая феноменология) и *постмодернистский* (например, постструктурализм, постколониализм).

Международно-политический ракурс концепции Хабермаса касается и других акторов мирового политического процесса. Так, в работе «Расколотый Запад», написанной в 2004 г., исследователь пишет о политически организованном мировом сообществе, обладающем правом управлять государствами на глобальном и интернациональном уровне посредством институтов и практик «по ту сторону государств» [25, 124].

Несмотря на то, что мировая политическая общественность до сих пор проявляла себя как некое организованное единство только в связи с уникальными событиями истории, как, например, 11 сентября 2001 г., Хабермас прогнозирует благоприятные перспективы данного процесса. По его мнению, электронные средства связи наряду с поразительными успехами действующих по всему миру неправительственных организаций (Amnesty International, Human Rights Watch и др.) способствуют созданию более стабильной инфраструктуры и более высокому уровню сплочённости мировой политической общественности. За это время не только государства, но и сами граждане

стали субъектами международного права: как граждане мира они могут в случае необходимости апеллировать к праву выступать против своих собственных правительств [25, 99].

В работе «Ах, Европа» Хабермас не только рассматривает специфику политической коммуникации в рамках национального государства, но и задаётся вопросом относительно её переносимости на другие культуры и общества и возникновения транснациональных публичных сфер. По мнению исследователя [22, 153], сегодня возникает высококовзаимозависимое мировое общество, функциональные системы которого беспрепятственно проникают через национальные границы. Однако постоянное наблюдающее и сорешающее участие граждан в формулировании и проведении той или иной политики на настоящий момент возможны лишь в национальных рамках. Речь о глобальной публичной сфере по-прежнему заходит лишь во время отдельных событий мировой значимости, таких как катастрофы и войны, чему способствуют новостные службы. Решение данной проблемы Хабермас видит не в построении сверхнациональной публичности, но в транснационализации существующих национальных публичных сфер, чьи границы могли бы стать порталами для взаимных переводов, а качественная пресса способствовала бы расширению ёмкости национальных публичных сфер [22, 154–155]. Другими словами, средства массовой информации отводится важная роль в осуществлении международно-политической коммуникации в целом и формировании мировой политической общественности, в частности.

Глобализация как наиболее яркая практика постмодернизма имеет, согласно Хабермасу, следующие характеристики [23, 280–281]: расширение и интенсификация межгосударственной торговли промышленными товарами; стремительно растущее количество транснациональных предприятий с глобальными производственными цепями и распространение их влияния в глобальном масштабе; увеличение прямых инвестиций за границей; значительное обострение международной конкуренции. Вышеперечисленные тенденции актуализируют вопрос о способности национального государства поддерживать границы системы и автономно регулировать обменные процессы с внешним миром. Новая релевантность, по мнению исследователя, отмечает сдвиг контроля из пространственного во временное измерение: традиционные приоритеты национального государства как «властителя территории» смещаются к «господам скорости» – региональным, международным и глобальным акторам, а именно: транснациональным корпорациям, международным правительственным и неправительственным организациям.

В этой связи для нас представляет интерес позиция британского исследователя Дж. Роджерс, которая в отличие от Хабермаса акцентирует внимание на постмодернистских характеристиках пространства. Пространство эпохи постмодерна – метафорическая характеристика сфер деятельности, видов занятости, программ действий, имеющих границы подобно границам физи-

ческого пространства. Это социальные конструкты, создающие ограничения или возможности участия в политике, экономике или общественной жизни. То, как понимают сущность пространства, влияет на понимание и интерпретацию деятельности индивидов и групп. Это весьма важно для анализа международной сферы, поскольку традиционные представления о государстве как доминирующем акторе международной политики порождают иерархические структуры, в которых другие акторы находятся в ситуации подчинения по отношению к государству [36, 8; 10].

Исследователь пишет, что двухмерная интерпретация пространства (центр–периферия, внешний–внутренний, Север–Юг) сегодня теряет свою актуальность. Постмодернистское пространство, согласно Роджерс, многомерно, непостоянно и зависимо от обстоятельств. Следует говорить о множестве пространств – пересекающихся, совпадающих, существующих в отношениях противоречия или антагонизма [36, 11]. Пространство может интерпретироваться по-разному, иметь различные значения в разных обстоятельствах для разных участников. Государство эпохи постмодерна – пространственно-темпоральный феномен, не обладающий монополией в мировом политическом процессе.

Постмодернистская концепция Ф. Джеймисона дополняет наши представления о пространстве и времени. Учёный понимает постмодерн как культурно-исторический период, для которого характерно «появление новых формальных черт в культуре с появлением новых форм общественной жизни и новым экономическим порядком, с тем, что называют модернизацией, постиндустриальным обществом или обществом потребления, обществом средств массовой информации, многонациональным капитализмом» [9, 275].

Данный период Джеймисон называет переходным и маркирует его наступление послевоенным бумом в США конца 1940-х - начала 1950-х гг., установлением Пятой республики во Франции в 1958 г. и событиями 60-х гг. XX в., «когда новый международный порядок (неоколониализм, революция «зелёных», компьютеризация и распространение электронной информации) одновременно утверждается и испытывает потрясения в силу собственных внутренних противоречий, а также в силу сопротивления извне» [9, 275]. Несмотря на то, что в научной литературе можно встретить и другие хронологические маркеры, данный подход опирается на признак постмодерна, предложенный современным немецким философом В. Вельшем – «переход от политики, опирающейся на мышление в категориях национальных государств, к политике, учитывающей глобальный характер международных отношений» [6].

Один из главных тезисов концепции Джеймисона связан со своеобразием постмодернистского переживания пространства и времени, которое заключается в «опасном разрыве между телом и предлагаемой для него новой рукотворной средой» [9, 288]. В постмодернистском гиперпространстве, по

мнению учёного, преодолен порог индивидуальных человеческих возможностей определять пространственное положение своего тела, воспринимать своё непосредственное физическое окружение через органы чувств, определять своё положение через координаты внешнего мира [9, 288]. И далее. Постмодернистское гиперпространство – это «многонациональная, децентрализованная сеть коммуникаций, в которую мы попали как индивидуальные субъекты» [9, 289].

Другая базовая характеристика постмодерна, выделяемая Джеймисоном, – особый способ обращения со временем. Свидетельством специфики времени в эпоху постмодерна служит следующее [9, 292]: заложенное в товары быстрое устаревание; ускорение в смене моды и стиля; беспрецедентное распространение рекламы, телевидения и средств массовой информации; рост плотной сети скоростных шоссе и культуры, ориентированной на автомобиль, что повлияло на старое противостояние между городом и деревней, между центром и провинцией, универсальную стандартизацию жизни, культуру пригородов.

Наше современное общество понемногу утрачивает способность сохранять собственное прошлое, мы начали жить в вечном настоящем, среди постоянных перемен, стирающих традиции, которые так много значили для всех предшествующих обществ. Функция СМИ сегодня – как можно быстрее превратить событие в прошлое. Происходит «фрагментация времени в серию эпизодов вечного настоящего» [9, 293].

Концепция Джеймисона отражает его мнение относительно такого дискуссионного вопроса, как присутствие модерна и постмодерна в современном обществе. Исследователь предполагает, что «радикальный разрыв между периодами в целом не включает полного изменения содержания, но скорее подразумевает реструктуризацию некоторого числа уже данных элементов: те особенности, которые в более раннем периоде были подчинёнными, теперь становятся доминантными, и, наоборот, те характеристики, которые были на первом плане, теперь становятся второстепенными» [10, 76]. Всё то, что в эпоху модернизма было вторичным или миноритарным, скорее маргинальными, чем центральными, в эпоху постмодерна стало доминантным.

Сравнивая политический модерн и политический постмодерн, И.В. Гордеев приходит к следующему заключению [7, 80]. Если эпоха политического модерна была эпохой мировых войн и биполярной системы, то эпоха политического постмодерна – это время условно свободных и независимых государств, под эгидой США включённых в международное разделение труда и глобальную экономику. Ценностями современной эпохи постулируются открытые рынки, либерально-демократическая политика, права человека. Ю.А. Александрова добавляет, что постмодернистская политическая деятельность характеризуется процессуальностью, интересубъективностью, децентрализацией, некоторой театрализованностью, снижением общественного

доверия к деятельности институтов государственной власти, развитием групп интересов, сетевых форм взаимодействия участников политического процесса, увеличением их мобильности, ситуативности организации различных акций [2, 22].

Мы солидарны с мнением С.А. Кравченко, который полагает, что сегодня следует говорить «об особенностях глоболокального постмодерна применительно к конкретному социально-культурному пространству» [14, 34]. Постмодерн не мог одновременно проникнуть во все культуры и охватить все сферы общественной жизни, поскольку разные компоненты социума находятся в различных темпомирах, т.е. имеют динамику развития, относящуюся к исторически разному времени. Следовательно, рано говорить о том, что общество претерпело радикальные изменения и перешло в состояние постмодерна. Правильнее анализировать общество постмодерна с учётом существующих по сей день модернистских явлений.

Тем не менее, реалии эпохи постмодерна вносят значительные изменения в теорию и практику международно-политической коммуникации. Как отмечают М.В. Ильин и Л.В. Сморгун [12, 134–135], политологический постмодерн <...> поставил под вопрос саму возможность получения истинного результата познания, базирующегося на консенсусе относительно подобия структур и функций реального политического мира. Подвергая критике рационализм и рациональные модели демократии, постмодерн закладывает основы плюрализма методологических и теоретических ориентаций.

Отметим ещё одно обстоятельство, влияющее на изучение международно-политической коммуникации. Дж.Н. Мартин и Т.К. Накаяма аргументируют необходимость совершенствования межкультурного знания наличием в современном мире особых императивов [33, 4–38]: *императив самосознания* – необходимость более глубокого понимания своего места в масштабном социальном, политическом и историческом контексте; *демографический* – значительные изменения процессов внутренней и международной миграции; *экономический* – понимание других культур как необходимое условие выхода на глобальный рынок в условиях глобализации; *технологический* – возрастающий объём информации, значительный рост количества контактов, потребность в активном использовании коммуникативных технологий при существующих проблемах доступа к ним; *императив мира и общественного порядка* – нарастающая потребность в решении проблем колониализма, экономического неравенства, расовых, этнических и религиозных различий; *этический* – необходимость использования универсального, релятивистского и диалогического подходов в решении этических вопросов.

Обратимся к мнению С. Брамман [28, 109–123], которая проследила теоретико-исследовательскую трансформацию коммуникации от модерна до постмодерна. В информационном обществе ключевые характеристики эпохи модерна – главенствующая роль государства в формировании потоков меж-

дународной коммуникации (международная политика, международная торговля и т.п.), объективность в изложении фактов, универсальность социальных структур и власть (инструментальная, структурная и символическая) – требуют пересмотра в пользу реалий постмодерна. В таблице 1 кратко представлены основные изменения эпохи постмодерна применительно к вышеназванным характеристикам модерна, а именно [29, 8–35]: новые акторы и участники международной коммуникации, коммуникативный и коммуникационный векторы политических исследований, изменившиеся принципы изложения фактов, постмодернистские характеристики социальных структур и кардинально новый (генетический) тип власти.

Таблица 1

Международная коммуникация в эпоху модерна и постмодерна

Эпоха	Модерн	Постмодерн
Акторы МК	Государства	Государства, негосударственные акторы – регионы, транснациональные корпорации, неправительственные организации
Направления исследований	Влияние МК на большие группы общественности	Контент информационных потоков, коммуникационная инфраструктура, аудитории, жанры, знаниевые структуры
Участники МК	Люди	Не только люди, но и новые участники интеракции «человек-компьютер», «компьютер-компьютер»
Принципы изложения фактов	Объективность, основанная на использовании достоверных источников	Объективность, «новый журнализм» (достижение максимальной контекстуализации за счёт использования разнообразных источников)
Основные характеристики социальных структур	Стабильность, линейность, прогнозируемость, неизменность	Изменчивость (запланированная, незапланированная), многообразие (локальность, глобальность и их разнообразные сочетания), многоуровневость, мобильность, мультиэтничность
Типология власти	Инструментальная власть (контроль над материальным миром), структурная власть (регулирование деятельности институтов общества), символическая власть (идеологический контроль)	Генетическая власть (контроль информационных основ материального мира, деятельности общественных институтов, правил и идей)

Наше понимание специфики изучения международной коммуникации в политической мысли постмодерна было бы неполным без использования сетевого подхода, оперирующего такими базовыми понятиями, как сеть, сетевое образование, сетевые структуры. Согласно Н.А. Антанович [3, 52], сетевой подход в политической науке исходит из переосмысленного понимания государства, его структуры и отношений с обществом. Государство в рамках сетевого подхода признаётся одним из акторов производства политических решений, участником обмена ресурсами в социуме. Термин «политическая сеть» отражает устойчивые отношения между взаимозависимыми акторами, которые формируются в связи с определёнными политическими проблемами.

Одной из особенностей объединения граждан для решения проблем является, по мнению А.В. Соколова и И.С. Маклашина, перенос активности в Интернет, что объясняется его широким распространением, удобством, доступностью и оперативностью обмена информацией. Возможности непосредственного участия граждан в общественных процессах обеспечиваются специальными приложениями сети: онлайн-доступом к процессам принятия решений, онлайн-консультациями по актуальным проблемам, онлайн-изложением мнений, взглядов и разногласий и т.д. Кроме того, массовость и доступность коммуникации между индивидами, сообществами, партиями и другими элементами общества являются факторами формирования новых коалиций, объединений и блоков [19, 61].

Д.С. Казакова добавляет ряд существенных преимуществ коммуникационных каналов интернет-пространства перед традиционными каналами коммуникации. Это интерактивность (ключевое свойство онлайн-ресурсов, позволяющее организовать двустороннюю коммуникацию, а не просто трансляцию контента), целенаправленность (возможность контактирования с определёнными целевыми группами, что существенно повышает эффективность политических кампаний), экстерриториальность (при возможности выхода в сеть доступность любому пользователю, независимо от его места нахождения), мультимедийность (сочетание различных по своей природе форматов информации на одном интернет-ресурсе – текста, звука, фото- и видеоизображения, гиперссылок на другие порталы, архивы и т.д.) [13, 109–111].

С развитием сети Интернет возникают новые модели политических коммуникаций в интернет-пространстве, изменяются способы и стратегии взаимодействия государства и общества, возрастают возможности Интернета как гаранта демократических прав и свобод [13, 109].

Вслед за Е.В. Артюхиной перечислим формы политического участия посредством телекоммуникационных сетей [4, 122]: создание и тиражирование политической информации в рамках персонального контента (блоги, чаты, форумы, сайты) и рассылки её политическим сторонникам, СМК, в адрес политических партий и органов государственной власти; участие в блогах,

чатах, форумах и телеконференциях политических партий, некоммерческих организаций (в части политических вопросов), представителей государственной власти, политических лидеров, депутатов; участие в интернет-голосованиях, референдумах, социологических опросах; участие в выработке политических программ, законодательных инициатив, проектов политических решений и других; участие в виртуальных съездах партий; организация действий своих сторонников для реализации в виде реальных политических действий (митинг протеста или поддержки, подача петиций, забастовки, политические акции).

Н.В. Опанасенко отмечает, что именно горизонтальные структурные связи влияют на циркуляцию политических коммуникаций и на скорость принятия политических решений. Более того, горизонтальные связи являются одним из факторов развития гражданского общества, образуя при принятии политических решений «силовое поле отношений» между государством и обществом. При этом слабой стороной подхода является то, что участники сети не несут ответственности за конечный результат и не всегда понимают, каким должен быть результат. Это объясняется сущностной характеристикой сетевого подхода – большой свободой воли участников сети благодаря специфике делегирования полномочий [18, 123; 125].

Ю.Ю. Лекторова вводит и анализирует понятие «сетевой ландшафт» – пространство политико-коммуникативного взаимодействия, в котором процесс принятия политических решений приобретает новое инструментальное выражение [15, 4]. Пользуясь терминологией Хабермаса и теоретическими наработками Лекторовой, отнесём к автономным общественным группам лидеров общественного мнения (людей, активно выражающих своё мнение относительно политики и влияющих на коммуникативное окружение, в том числе размещая и передавая информацию через Интернет) и опосредованных пользователей интернет-ресурсов [15, 16–17].

В рамках исследования международно-политической коммуникации заслуживает внимания работа Р.А. Абдуллаева и М.И. Рыхтика о так называемых сетях поддержки, под которыми следует понимать «национальные неправительственные или неправительственные организации, которые функционируют на международном уровне, или межправительственные институты и национальные правительства» [1, 17]. Их деятельность заключается в предоставлении информации международному сообществу «с места событий», обнародовании информации о злоупотреблениях в различных сферах в масштабах мировой аудитории, удовлетворении информационных запросов гражданских активистов по всему миру, установлении локальных и зарубежных контактов для получения доступа к информации и оказании максимального влияния на мнение, ценности и политические убеждения международной аудитории. Информация представляется исследователям как причиной,

так и следствием создания и функционирования транснациональных сетей [1, 16–19].

Интернет является ключевой инфраструктурой, вокруг которой формируется глобальное информационное пространство. С одной стороны, это высокотехнологичная область, в которой находят отражение многие значимые тенденции мировой политики, с другой – характеристики глобальной информационной сферы также трансформируют природу и содержание мирополитических процессов. Е.С. Зиновьева пишет, что международная политика оказывает определяющее воздействие на развитие глобальной информационной сферы. Наметилось формирование политического пространства Интернета, во многом представляющего собой отражение «реальной» политической карты мира. Линии контроля и разделения в глобальной информационной сфере формируются за счёт неравенства и ограничений в доступе к информации в ряде стран, широкого распространения информационных войн в бизнесе и политике [11, 136].

Развитие Интернета оказывает существенное влияние на современные международные отношения и мировую политику. Сетевая организация, транснациональный характер, доступность Интернета способствуют процессам глобализации и транснационализации, расширению числа участников международного взаимодействия, усиливают проницаемость межгосударственных границ. Однако развитие Интернета порождает противоречия на международной политической арене – неравенство между «инфобогатыми» и «инфобедными», возникновение новых форм международных конфликтов, включая информационные, сетевые войны, хакерские атаки и т.п. Преодоление вызовов международной и национальной безопасности требует коллективных усилий международного сообщества [11, 138–139].

Итак, рассмотрев теоретические аспекты изучения международной коммуникации в политической мысли постмодерна, мы пришли к ряду выводов.

Во-первых, политологический постмодерн связан с плюрализмом методологических и теоретических изысканий и не отвергает существование модернистских явлений в современном мире. Так, несмотря на то, что государство утрачивает характерную для эпохи модерна монополию на формирование потоков международно-политической коммуникации, оно, наряду с негосударственными акторами – транснациональными корпорациями, неправительственными организациями, автономными общественными группами – создаёт глобальное пространство политико-коммуникативного взаимодействия.

Во-вторых, политико-коммуникационная составляющая постмодерна выступает одновременно как *реальность* и как *проблема*.

Ряд проблем связаны с государством, традиционно понимаемым основным актором международно-политической коммуникации. В условиях

постмодерна государство является препятствием на пути коммуникационной прозрачности, фактором непроницаемости и шума. Затруднена коммуникация между государственными структурами, теряющими контроль при решении вопросов финансового характера, и мультинациональными предприятиями, использующими новые формы оборота капитала. Назрела необходимость пересмотра коммуникационных отношений между государственной властью и гражданским обществом в целом. Обострилась проблема дискриминации Другого и маргинализации меньшинств, что не позволяет им быть равноправными участниками международно-политической коммуникации. «Академический империализм», широко распространённый в межкультурных исследованиях и построенный на противопоставлении культур, ведёт к необъективности и отчуждению Другого.

Коммуникационная составляющая как реальность постмодерна проявляется в следующем. Невиданный размах получили публичные коммуникативные процессы. Они отличаются масштабным количеством участников, экстерриториальностью, оперативностью, интерактивностью, мультимедийностью и имеют сетевой характер принятия политических решений. Появляются новые группы участников, не созданные политической системой. Один из феноменов постмодерна – становление нового актора международно-политической коммуникации – мировой политической общественности. С одной стороны, мировая политическая общественность отличается высокой взаимозависимостью, благодаря беспрепятственному проникновению коммуникативных потоков через национальные границы, с другой – пока рано говорить о глобальной публичной сфере, поскольку постоянное наблюдающее и сорешающее участие граждан в формулировании и проведении той или иной политики на настоящий момент возможны лишь в национальных рамках. Лишь во время отдельных событий мировой значимости, таких как катастрофы и войны, можно услышать позицию мировой политической общественности, чему способствуют новостные службы.

В-третьих, теоретическое осмысление международно-политической коммуникации эпохи постмодерна невозможно без учёта того, что двухмерная интерпретация таких базовых философских понятий, как пространство и время, потеряла актуальность. Постмодернистское пространство многомерно, непостоянно и зависимо от обстоятельств, множество пространств пересекаются, совпадают, существуют в отношениях противоречия или антагонизма, создавая гиперпространство, в котором преодолён порог индивидуальных человеческих возможностей определять пространственное положение своего тела, воспринимать своё непосредственное физическое окружение через органы чувств, определять своё положение через координаты внешнего мира. Постмодернистское время стремительно, быстротечно, постоянные перемены стирают границы между настоящим и прошлым, превращая время в серию эпизодов «вечного настоящего».

Библиографический список

1. *Абдуллаев Р.А., Рыхтик М.И.* Феномен «сетей поддержки» и влияние на него развития интернет-технологий // *Власть*. 2014. № 6. С. 15–21.
2. *Александрова Ю.А.* Российская политическая культура в контексте эпохи постмодерна: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 37 с.
3. *Антанович Н.А.* Перспективы использования сетевого подхода в политической науке // *Социология*. 2010. № 2. С. 44–53.
4. *Артюхина Е.В.* Интернет как средство политической коммуникации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Философия*. 2008. № 2 (8). С. 121–124.
5. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
6. *Вельш В.* «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // *Путь*. 1992. № 1. С. 109–136.
7. *Гордеев И.В.* Особенности глобальной политики в эпоху постмодерна // *Власть*. 2008. № 3. С. 79–82.
8. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
9. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма // *Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова*. М.: Флинта, Наука, 2004. 344 с. С. 273–293.
10. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм и общество потребления // *Логос*. 2000. № 4. С. 63–77.
11. *Зиновьева Е.С.* Международно-политические аспекты развития Интернета // *Вестник МГИМО*. 2013. № 4(31). С. 135–140.
12. *Ильин М.В., Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология // *Зарубежная политология в XX столетии: сб. научн. трудов*. М.: ИНИОН, 2001. 253 с. С. 109–145.
13. *Казакова Д.С.* Специфика сети Интернет как политического коммуникативного пространства // *Вестник Пермского университета. Сер. Политология*. 2012. № 2. С. 107–118.
14. *Кравченко С.А.* Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 24–34.
15. *Лекторова Ю.Ю.* Политические коммуникации в сетевом ландшафте: акторы и модели взаимодействия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2011. 23 с.
16. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
17. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2378.html> (дата обращения: 10.12.2015).
18. *Опанасенко Н.В.* Сетевой подход в исследованиях политических коммуникаций // *Вестник РУДН. Сер. Политология*. 2013. № 4. С. 119–125.

19. Соколов А.В., Маклашин И.С. Особенности Интернет-пространства как площадки взаимодействия // *Власть*. 2013. № 12. С. 60–62.
20. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
21. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: в 3 ч.: Ч. 3 / под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. 311 с.
22. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь Мир, 2012. 160 с.
23. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // *Политические работы*. М.: Праксис, 2005. 368 с.
24. Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // *Между натурализмом и религией: философские статьи*. М.: Весь мир, 2011. 336 с.
25. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008. 192 с.
26. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
27. Asante M.K., Miike Y., Yin J. (Eds.). *The global intercultural communication reader*. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2014.
28. Braman S. From the modern to the postmodern: The future of global communications theory and research in a pandemonic age // Mody B. (Ed.). *International and development communication: A 21st-century perspective*. Thousand Hills, CA: Sage, 2003. P. 109–123.
29. Chang T.-K. Changing global media landscape, unchanging theories? *International communication research and paradigm testing* // Golan G.J., Johnson T.J., Wanta W. (Eds.). *International communication in a global age*. N.Y.: Routledge, 2010. P. 8–35.
30. Chuang R. *A postmodern critique of cross-cultural and intercultural communication research: Contesting essentialism, positivist dualism, and Eurocentricity* // Starosta W., Chen G. (Eds.). *International and intercultural communication annual: Ferment in the intercultural field: Axiology / value / praxis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 24–56.
31. Inglehart R. *Modernization and postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.
32. Klyukanov I.E. *Principles of intercultural communication*. Boston: Pearson, 2005.
33. Martin J.N., Nakayama T.K. *Intercultural communication in contexts* (5th ed.). McGraw-Hill: Boston, 2010. P. 4–38.
34. Patel F., Li M., Sooknanan P. (Eds.). *Intercultural communication: Building a global community*. L.: Sage, 2011.
35. Payne M., Askeland G.A. *Globalization and international social work: post-modern change and challenge*. L.: Ashgate, 2008.
36. Rodgers J. *Spatializing international politics: Analysing activism on the Internet*. L.: Routledge, 2003.

INTERNATIONAL COMMUNICATION IN POSTMODERN POLITICAL THOUGHT: THEORETICAL ASPECT

V.S.Tormosheva

External Student, Department of International Relations and Political Science, Linguistics University of Nizhny Novgorod

Postmodern thought has a serious impact on the study of communication, in general, and political communication, in particular. However, postmodern approaches to studying international political communication proved to be insufficiently used. It is argued that the phenomenon under analysis is influenced by postmodern time and postmodern space. The postmodern communication component is described as both reality and a problem. In addition, political postmodern is connected with methodological and theoretical pluralism and encourages modern practices in the contemporary world.

Keywords: international political communication; network; political actor; political postmodernity.

References:

1. Abdullaev R.A., Ryhtik M.I. The Phenomenon of Advocacy Networks and How It is Affected by the Development of Internet Technologies. *Power*. 2014. № 6. P. 15–21. (In Rus.).
2. Aleksandrova Ju.A. *Russian political culture in the context of postmodernity*. Abstract of Cand. polit. sci. diss. Saratov, 2013. P. 37. (In Rus.).
3. Antanovich N.A. *The prospects of the network approach in political studies*. *Sociologija* [Sociology]. 2010. № 2. P. 44–53. (In Rus.).
4. Artjukhina E.V. Internet as a means of political communication. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2008. № 2 (8). P. 121–124. (In Rus.).
5. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*. M., Dobrosvet Publ., 2000. 387 p. (In Rus.).
6. Vel'sh V. «Postmodernity». *Genealogy and meaning of one debatable notion*. *Put'* [The way]. 1992. № 1. P. 109–136. (In Rus.).
7. Gordeev I.V. The specifics of global politics in the postmodern world. *Power*. 2008. № 3. P. 79–82. (In Rus.).
8. Deleuze G., Guattari P.F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p. (In Rus.).
9. Jameson F. Postmodernity or the cultural logic of the late capitalism. *Modern literary theory. Anthology*. Compiled by I.V. Kabanova. M., Flinta, Nauka Publ., 2004. P. 273–293. 344. p. (In Rus.).

10. Jameson F. Postmodernity and consumer society. *Logos*. 2000. № 4. P. 63–77. (In Rus.).
11. Zinov'eva E.S. International political aspects of the Internet development. *Vestnik MGIMO-University*. 2013. № 4(31). P. 135–140. (In Rus.).
12. Il'in M.V., Smorgunov L.V. Comparative politology. *World political science in the 20th century: Collection of studies*. M., INION Publ., 2001. P. 109–145. 253 p. (In Rus.).
13. Kazakova D.S. The specifics of the Internet as political communicative space. *Review of Political Sciences*. 2012. № 2. P. 107–118. (In Rus.).
14. Kravchenko S.A. Modernity and postmodernity: the «old» and new vision. *Sociological Studies*. 2007. № 9. P. 24–34. (In Rus.).
15. Lektorova Ju.Ju. *Political communication in the network landscape: Actors and cooperation models*. Abstract of Cand. polit. sci. diss. Perm, 2011. p. 23. (In Rus.).
16. Lyotard J.F. The postmodern condition. St.Petersburg, Aletejja Publ., 1998. 160 p. (In Rus.).
17. *New Philosophical Encyclopedia*. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/2378.html>. (accessed 10.12.2015) (In Rus.).
18. Opanasenko N.V. The Network Approach in Political Communication Studies. *The Bulletin of Peoples` Friendship University of Russia Series Political Science*. 2013. № 4. P. 119–125. (In Rus.).
19. Sokolov A.V., Maklashin I.S. Features of the Internet Space as a Platform for Interaction. *Power*. 2013. № 12. P. 60–62. (In Rus.).
20. Toffler A. *Future Shock*. Moscow, AST Publ., 2002. 557 p. (In Rus.).
21. Foucault M. Intellectuals and Power: articles and interviews, 1970–1984: In 3 Parts: Part 3. Ed. by V.P. Bol'shakov. M., Praksis Publ., 2006. 311 p. (In Rus.).
22. Habermas J. *Europe, the Faltering Project. Political Essays XI*. M., Ves' Mir Publ., 2012. 160 p. (In Rus.).
23. Habermas J. The Postnational Constellation and the Future of Democracy. *Political Essays*. M., Praksis Publ., 2005. 368 p. (In Rus.).
24. Habermas J. Public Space and Political Public Space – The Biographical Roots of Two Motifs in My Thoughts. *Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays*. M., Ves' Mir Publ., 2011. 336 p. (In Rus.).
25. Habermas J. *The Divided West*. M., Ves' Mir Publ., 2008. 192 p. (In Rus.).
26. Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity*. M., Ves' Mir Publ., 2003. 416 p. (In Rus.).
27. Asante M.K., Miike Y., Yin J. (Eds.). *The global intercultural communication reader*. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2014. (In English).
28. Braman S. From the modern to the postmodern: The future of global communications theory and research in a pandemonic age. Mody B. (Ed.). *Interna-*

- tional and development communication: A 21st-century perspective*. Thousand Hills, CA: Sage, 2003. P. 109–123. (In English).
29. Chang T.-K. Changing global media landscape, unchanging theories? International communication research and paradigm testing. Golan G.J., Johnson T.J., Wanta W. (Eds.). *International communication in a global age*. N.Y.: Routledge, 2010. P. 8–35. (In English).
30. Chuang R. A postmodern critique of cross-cultural and intercultural communication research: Contesting essentialism, positivist dualism, and Eurocentricity. Starosta W., Chen G. (Eds.). *International and intercultural communication annual: Ferment in the intercultural field: Axiology, value, praxis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 24–56. (In English).
31. Inglehart R. *Modernization and postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 societies*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. (In English).
32. Klyukanov I.E. *Principles of intercultural communication*. Boston: Pearson, 2005. (In English).
33. Martin J.N., Nakayama T.K. *Intercultural communication in contexts* (5th ed.). McGraw-Hill: Boston, 2010. P. 4–38. (In English).
34. Patel F., Li M., Sooknanan P. (Eds.). *Intercultural communication: Building a global community*. L.: Sage, 2011. (In English).
35. Payne M., Askeland G.A. *Globalization and international social work: post-modern change and challenge*. L.: Ashgate, 2008. (In English).
36. Rodgers J. *Spatializing international politics: Analyzing activism on the Internet*. L.: Routledge, 2003. (In English).